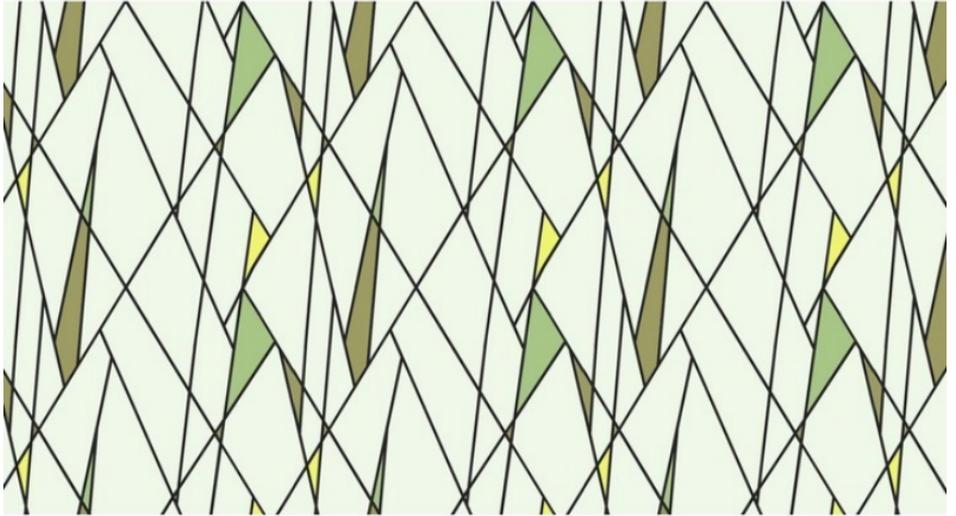

Vysheslav Filevsky

НЕБОЖЕСТВЕННОЕ

рассказы, притчи и сказки

Vysheslav Filevsky
Небожественное.
Рассказы, притчи и сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36330973

ISBN 9785449328755

Аннотация

Едва ли вызывает сомнение то, что Земля и человечество развиваются в неблагоприятном направлении. Тем, кого не устраивает жить одним днём, бразильский писатель и поэт Вышеслав Филевский рассказывает о возможности жить на совершенно иных основаниях. Это не проповедь, но послание. В зависимости от вышней воли оно будет принято или отвергнуто вами.

Содержание

Счастье духовной воли	5
Из жизни иных миров	7
1. Сказка про планету ОО, отшельника её да кита-рыбу	7 8
2. Сами дураки	14
3. «Рышато»	18
5. Свадьба	25
6. Дябрь	27
7. Тетеруй	33
8. ...И восторжествовал разум	37
9. Известие от Хаилама	41
Небожественное	58
10. Не то спас?	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Небожественное

Рассказы, притчи и сказки

Vysheslav Filevsky

© Vysheslav Filevsky, 2018

ISBN 978-5-4493-2875-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белу-Оризонти, 2017

Едва ли вызывает сомнение то, что Земля и человечество развиваются в неблагоприятном направлении. Тем, кого не устраивает жить одним днём, бразильский писатель и поэт Вышеслав Филевский рассказывает о возможности жить на совершенно иных основаниях. Это не проповедь, но послание. В зависимости от вышней воли оно будет принято или отвергнуто вами.

Счастье духовной воли

или Предисловие

Для любящего сердца нет запретных тем:
Оно ни в чём и никого не обвиняет,
Но Вышнее с благоговеньем воспеваает:
Для сердца быт молельный вожделен.

Оно лишь кажется телесным, но – духовно.
Поток любовных стихословий не прервёт
Ни смерть, ни нищета... оно в слезах поёт
О счастье неизбывном жить в пределах горних...

Земля, твои законы сердцу так странны,
Язвительны для духа, что стремится в Небо...
О как блаженен любящего сердца лепет!
Противореча устремлениям страны,

Народу чужд...

Однако псалмы для него ли?

Не с райским хором ли в согласии пою,
В любви к Предвечному существованье длю —
Какое счастье! Не сыскать прекрасней доли,

Чем, Правду отыскав, душой о ней трубить,
Чем Небеса непостижимые любить
И в Устье мира благодатно истекать,
Теряя имя, человеческую стать...
Что в мире слаще может быть
духовной
воли?

Белу-Оризонти, 23.12.2017

Из жизни иных миров

1. Сказка про планету ОО,

отшельника её да кита-рыбу

Поверхность планеты ОО представляла собой водяную бездну. А посреди бездны сей зеленел большой остров – райская пажить с виду. На самой возвышенной части его жил отшельник. Днём и ночью он стоял на каменном столпе, молился и пророчествовал:

– Покайтесь, оокцы, ибо только покаянием и спасётесь от гибели верной и неминуемой. В храмы, в храмы все! Коли миром хотя пять минут простои́те в молитве на коленях, услышит бог наш и помилует... —

А, надо сказать, гибель и в самом деле приближалась. И милость требовалась. Потому как опускался остров в бездну, и всё скорее и скорее. Какая уж тут молитва, какое покаяние? – Бежать надобно, уплы́вать, в смысле... Куда? – Того оокцы не ведали. Но полагали, что лучше устремиться в неизвестность, чем тонуть безропотно и верно.

– Опомнитесь, соплеменники, – вещал меж тем отшельник, – какие ладьи не постройте, а не спасётесь, коли не будет благословения на то бога нашего. И погибнете от голода и жажды в окиян-море, и плотью друг друга насыщаться перед смертью будете...

– Бррр, ну и пророчества, – говорили оокцы, злобно поглядывая на холм, где отшельник на столпе стоял. И ковчеги ладили.

Ковчег

Что же до молитвы, то не нуждались оокцы в ней. Раз-ве в виде присказки употребляли. Какая молитва? – День-ги делали, совокуплялись, пьянствовали, чревоугодничали, сквернословили – и счастливы-то как были, не высказать... Может ли в молитве счастье быть? – Да не смешите.

Смотрел отшельник со столпа своего и видел не райские виды, а жижу духовную, зловонную. И не насельников счаст-ливо время проводящих, а мерзких гадов ползучих. Видел –

и плакал.

– В бездну опускается родина-мать наша за грехи тяжкие, – вещал он. —

Да только кто бы его слушал. «Узколобый мракобес, из ума выживший», – говорили про него. А отшельник и иное говорил:

– Не бежать надобно вовсе, не ковчеги ладить, а жизнь переменить на корню.

– Ну вот ещё, жизнь менять, – возмущались оокцы. – Нет уж. Познали мы счастье – с тем и остаться хотим. И не отступит от нас бог наш в прихотях наших...

Так-то оно так, скажу я вам. Да только кроме бога оокцев было и повыше нечто. Оно не знало легенд, сказок да обиходов храмовых. А просто несло воздаяние. А воздаянием за счастье оокцев оказывалось утопление их. Так-то вот жизнь устроена оказывалась гадко. И оокцы, матерясь весело, ладили посудыны свои.

Отшельник же ослеп и оглох от горя и отчаяния. Уж не видел он болота смрадного, духовного. Не слышал стука топоров, молотков да визга пил. А представлялась взору его Родина. Родина новая, святым окиян-морем омытая от нечисти соотечественников. А тех со всеми их мерзостями как не бывало. Ангелы одни небесные, кто во плоти, а каких очертания угадывались только. Смотрел на них отшельник и радовался. И говорил так-то:

– Настанет время, и вот, вижу, настало уже, когда устре-

мятся на Родину великую нашу разумные существа со всей Вселенной. – И он в самом деле видел и разумел, что вот тот-то ангел с такой-то планеты, а этот – с другой. – Устремятся, соберутся, чтобы слиться в молитве сладостной и яростной. И настанет тогда рай небесный на земле нашей. Вся Вселенная поклонится нам и стремиться будет идти путём оокским...

Остров меж тем стал опускаться уже скоро. Насельники бросали дела недоделанные, в ладьи прыгали, в ковчегах зачинались.

– А старый дурак, возьмём может, утопнет ведь? – говорил то тот, то другой.

– Давай-давай, отчаливай, – прерывали таковых. – Его пусть бог его и спасает: он милостивый. —

А бог планеты ОО такого чуда, как возрождение острова из бездны, явить не мог, несмотря на всю его милость... Я знаю, он очень хотел, но... И у богов есть свои ограничения в чудесах. Царствовал великий Закон Воздаяния, правду жизни творил. Какие уж тут боги...

Если бы отшельник мог видеть, то не нашёл бы он на водной глади ладей да ковчегов, потому как уплыли они далеко уж. Ангелов видел он, бытийствующих на прекрасной Родине его. Бога планеты ОО, ходящего с улыбкой меж них, семью бога... И так видение сие любезно было отшельнику, что не почувствовал, как вода коснулась щикотолок его, до пояса дошла и до горла аж дотянулась. Он проповедовал.

Вот уж одна голова возвышается над водами. И только, когда вода в рот ему устремилась, возмутился отшельник сердцем своим. Выругаться захотел, да только бульканье получилось...

Долго он не мучился, потому как плавить не умел. Побил руками по воде, поорал- поорал да и утоп. Его большая зубастая рыба-кит съела.

И вот плывёт себе эта рыба, кит этот, переваривает отшельника и чует в себе нечто эдакое дивное. И понимает себя не рыбой уж, а неким светочем подводным. Потому как открылось ему то, что никакой рыбе неизвестно. Дух отшельника киту-рыбе передался, вот что... И уж как хотелось

киту этому сообщить прочим рыбам об откровении высоком, да великое Непостижимое речи ему не дало... «А что толку речь давать киту-рыбе, – „думало“ Непостижимое, – когда его всё равно не поймут? Пусть так плавает да благодать обрётённую в себе носит. А то, не ровён час, его и загрызть за откровение божественное могут... Как пить дать загрызут...»

А рыба-кит помаялась-помаялась счастьем своим, да и злобой изошла от того, что высказать его не могла. Тут откровение и пропало, как не было.

Ну а оокцы земли новой не нашли, потому что не было её. По окончании припасов ели друг дружку потихоньку, с более слабых начиная. Ели – и всё вдаль глядели из-под ладошек, не покажется ли земля посередь воды. Земля не показывалась. Не было на то воли великого Непостижимого. Поевши всех, последние с ума посходили да в окиян-море бросились. Одного из них наша рыба-кит увидела. Увидела – и обрадовалась. Благодати, вишь ты, снова захотелось ей. Проглотила она оокца того – и глаза вылезли. «Ну и гадость», – успела подумать рыба, отравилась и умерла...

Вот и сказка вся про планету ОО, отшельника её да кита-рыбу. Не нравится – помилосердствуйте.

2. Сами дураки

В духовной оболочке планеты ПП мирно сосуществовали множество божеств. Как им и положено, все были смиренными, тихими, скромными, и молчаливо объяснялись в любви великому Непостижимому.

Разумные же существа планеты ПП, назовём их *пепетцы*, делили своих божеств на великих, малых и обыденных. По поводу малых и обыденных никто не спорил. А вот из-за великих всю историю *пепечества* – это совокупность пепетцев – во всю её историю происходили сильнейшие нестроения: пепетцы никак не могли договориться в том, кто же именно из великих божеств создал планету ПП. Решить это было крайне важно, потому что решение дало бы преимущества одних перед другими. А надуться от значимости и избранности хотелось всем.

Однако поскольку никто из божеств планету не создавал, то выяснить создателя тоже не представлялось возможным. И кровопролитные споры пепетцев грозили затянуться до конца света.

Божества почувствовали себя виноватыми и решили собраться на совещание. Туда решили допустить только тех, которых пепетцы считали творцами планеты. Таковых набралось около трёх десятков.

Чтобы никого не уязвлять, председательствовать решили

по очереди.

Как представитель развитых народов выступило божество Ирх. Оно предложило признать вину божеств за религиозное нестроение народов соборной, а, следовательно, отсутствующей.

Признали, покаяться и отпустили себе грех.

Представитель так называемых неразвитых народов Лал обвинил божества в чудотворении как средстве завлечения и обмана последователей. Однако ему возразили в исторической необходимости чудотворения в прошлом.

Но всё-таки признали чудотворение виной, покаяться и отпустили себе грех сей.

Божество Анш предложило послать вестника новой религии, единой для всей планеты.

– Но ведь он должен творить чудеса. Кто ж ему иначе поверит? – возразили ему. – А чудотворить нехорошо, мы только что покаяться в этом. И вообще сомнительно, что поверят. Потому что истину не ищет никто. Хотят только страсти убажывать, блудомыслить и издеваться друг над другом. А если у всех будет одна религия, на каком тогда основании издеваться, как заявлять о своей избранности?.. – Не годится.

Вестника единой мировой религии решили не посылать.

Божество Дис предложило явиться всем божествам одновременно перед пепетцами в пепетческом облике, покаяться и сознаться в том, что никто из нас планету не сотворял.

– И что тогда? – возразили ему. – Простят ли нас пепет-

цы? Не начнётся ли хаос, не станут ли ломать храмы, убивать священников?..

Да и что будет с нами самими? Нас ведь перестанут помнить и мы можем не только истончиться, а и исчезнуть вообще...

– Да-а-а, – заключил Ирх. – Заварили кашу, а расхлебать не можем... Что нам остаётся?

И порешили оставить всё, как есть, и предаться объяснениям в любви великому Непостижимому и трепетному благоговению перед Ним.

– И да путь восторжествует над нами неизъяснимый Закон Воздаяния.

«Это разумное решение», – ниспослало божествам одобрительную Предвечное. И жизнь на планете текла по-прежнему: из-за религиозных нестроений гибли ни в чём не повинные пепетцы...

– Эх, божества да пророки... Какие же страстные вы, какие суетные, – не смог я удержаться от восклицания, услышав духом всё это.

Разлетавшиеся было после совещания божества усыхали духом же мой возглас, остановились, повернулись и грозно, слаженно «пропели» хором, как древние греки в трагедии:

– А кто разумным пепетцам верить нам велел?.. Заставляли? – Ладно, можно было верить с фигой в кармане. Нечта тут на нас всех собак вешать. Сами дураки. —

Возгласили так божества, разлетелись – и след простыл. А в моём сознании долго ещё отдавалось эхом грозное «Сами дураки», которое было повторено несколько раз.

«И то верно», – одобрил их духовные слова великий Закон Воздаяния. И жизнь, подобно горному роднику, по-прежнему струилась с обрыва времени и терялась в бездне, дна у которой не было. Какой же это был замечательный родник! Пить бы воду его святую, любить непостижимое Небо и плакать от благоговения... Однако вышней воли на это не было.

3. «Рышато»

В бескрайних просторах творения летало божество. Все-вышний и создал его, чтобы оно летало, не знаю зачем. Только однажды то ли божество летать устало, то ли почувствовало себя неполноценным, а только захотелось ему славления... Да нет, духи благодати его славили, но ему показалось этого мало.

И вот, село божество на материальную планету – нет ведь, чтоб на духовную. А там страстные существа жили и полагали себя разумными. Село, значит, божество и явилось этим существам:

– Здравствуйте, я ваш бог, – говорит. – Любите меня, поклоняйтесь мне, а уж я в долгу не останусь: у вас не станет в реках воды, а молоко только и до молока сего вы не доберётесь, потому, как будете тонуть в кисельных берегах – вот какое счастье вам будет.

Страстные разумные подумали, посоветовались, мол, а на что нам это надо? И ответили:

– Не знаем, бог ты или нет, а лучше летел бы ты от нас куда в другое место и там народ прельщал молоком да киселями своими.

Божество смутилось:

– Да бог же я, говорю вам. Хотите, чудеса покажу?

Страстные разумные были охочи до развлечений. А пото-

му заинтересовались и ответили:

– Ну-ну, давай, посмотрим.

Вынесли стульчики из домов, расселись – глядят, что будет. А божество тучи навело, громом стало греметь да молнии пускать.

– Слышь, бог, ты б потише чего сотворил, а? – кричат ему страстные разумные. У нас тут и без тебя шуму хватает.

– Ладно, – отвечает божество, а дело было летом.

И вдруг с неба-то ясного снег повалил... Страстным разумным это и вовсе не понравилось. Они было стульчики-то свои в ручки повзяли да по домам стали разбредаться. Божество испугалось, что его не признают, и кричит:

– Стойте, стойте, я кажись поняло, чего вам надобно. —

И стало сыпать вместо снега денежными бумажками да монетами.

– О, вот это другое дело, – ответили страстные разумные, остановившись, – годится. – Стульчики свои на место поставили и опять уселись. – А теперь говори, чего тебе от нас надобно взамен.

– Самый пустяк, – говорит божество. – Стройте в честь меня храмы, служите молебны, а я буду продолжать сыпать.

– Годится, – ответили страстные разумные.

Настроили божеству храмов – немерено. Он из одного в другой перелетает, славами наслаждается, и по уговору деньгами сыплет. Да только правители страстных разумных лукавыми оказались. Они в небе *рышато* установили хитрое. Сквозь него обывателям только мелкие монеты просыпались, а начальству – крупные купюры. Божество и говорит начальству:

– Почто ж вы рышато-то установили, договору такого не было, а?

А начальство отвечает:

– Знаешь что, тебе надобно было славления – мы устроили, славят тебя. Не нравится – лети куда ещё. А хошь бытйтсвовать у нас, так летай себе по храмам да помалкивай, а рышата-то не зама-ай, сего не можно, поняло?

Божество прикинуло, что, мол, славление дороже и махнуло рукой на рышато. Потому что самое главное в жизни – слава и почёт. Ну, а кто не верит – его дело...

По данным исследователей не верило от 95 до 99 обывателей из ста, в том числе и служители божества. Но при этом четыре пятых насельников материальной планеты сей гордо провозглашали себя славобожными...

«Это что, а?.. Зачем?» – спросил я духом у боголюбивых сих.

«Для идентификации», – ответили насельники мне тоже духом.

Я этого инопланетного слова не знал, но уточнять предусмотрительно побоялся.

4. Вино и вода

(из воспоминаний инопланетянина о Земле и землянах)

«...Земляне меня удивляют. Им неведомо, что жить так, как живут они – стыдно. Не чувствуя стыда по поводу своей жизни, они, понятно, с удовольствием слушают, смотрят

и читают о стыдном. Потому что только стыдное интересно. И думают по большей части тоже стыдное.

Наверное, стыд – это то, что мешает разрушать планету и разлагать человеческое сообщество, решил я. Видимо поэтому стыд по негласному соборному согласию земляне и решили отбросить. Поскольку все понимали, что Землю необходимо разрушить.

Бесстыжесть стала обычаем. А понятие бесстыдник, как мне представляется, стало означать то же, что и землянин.

Но ведь читать о бесстыдном, или о страстном – всё равно, что пить крепкий алкогольный напиток. Он может не только пьянить, а и быть очень вкусным, выдержанным, даже изысканным.

Наблюдая за землянами, я также пришёл к выводу, что бесстыжесть и страстность суть одно и то же. Но земляне этого не понимают. И думают, что есть благие страсти, например, страсть к работе. Хотя, по мне, чем выполнять работу со страстью, лучше её не делать вообще. Потому что страсть, духовно пропитывая работу, делает её если не вредной, то сомнительно полезной – это точно. Поэтому быть страстным, по моим представлениям – стыдно.

Наоборот, читать о скромном, бесстрастном, небесном – всё равно, что пить родниковую воду... Впрочем, а где сейчас на Земле чистая вода? Не так уж много осталось таких мест...

Нет, читать о скромном – всё равно, что пить не просто чистую, а *живую* воду... Хотя, знаете, и живую воду тоже ведь можно загрязнить земными представлениями, вот и пей её после этого...

Я однажды видел, на другой планете, понятно, как священник, освятив воду, стоял над чаном и произносил хульную проповедь о прошлом его родины. А потом, передав этой воде всю свою желчь, весь накопившийся духовный гной, стал кропить народ этой нечистотой... И никто не уклонялся от кропления, не боялся духовного вреда... Странно... Прихожане благоговейно осквернялись...

Познакомившись с таким впечатлением о землянах, я задумался: а с чем же всё-таки сравнить чтение о скромном и небесном? – Не только ли с чувством сердечной и всеза-

хватывающей любви к великому Непостижимому?

Той любви, которая открывает глаза на стыдность человеческого бытия вне ежеминутного исповедания любви к Небесам... Вы отвлеклись от этой любви на минуту – минута досадно пропала. Отвлеклись на час – нет, о таком и подумать страшно...

Всевышнее, не наказывай меня сурово даже кратковременным забвением любви. Я хочу любить Тебя непрерывно во сне и бодрствовании, при жизни в теле и вне неё – бесконечно, чтобы эта любовь стала и пребыла во веки веков моей сущностью – стала той любовью, которая никогда не начиналась, а поэтому никогда не закончится...

5. Свадьба

Однажды жители планеты ЗЗ озаботились найти небесную Правду. Одно из божеств Вселенной направило к ним своего посланника для разъяснения. Дорога оказалась долгой. Посланник устал. Тут Земля близко оказалась. Ну, он и опустился передохнуть.

Перевёл дух. Глядит – земляне кричат, руками машут... Что такое?.. Прислушался духом – и понял: свадьба у них. Упились – и всё им мало.

Посланник почувствовал сострадание к неразумным, которые мутят сознание в день такого торжественного, священного события. И возжелал превратить их вино в живую воду, более подходящую случаю.

Однако божество окоротило его: «Сего не твори», – внушило оно духом посланнику.

– Почему? – удивился тот.

«А потому что воли моей нет на то, чтобы земляне прояснили разум свой водою живой», – отвечало божество бессловесно.

– Как, господи, смотри, они ж облик человеческий теряют.

«А ты не сострадай без моего на то повеления, – возразило божество. – Им и надобно потерять человеческий облик, себя изжить и планету уничтожить. Поэтому не совался бы ты на Землю с живою-то водою. Передохнул – и лети

себе дальше, куда послали... Да?» – заключило божество уже весьма грозно.

Огляделся посланник – лепота вокруг. Жаль ему было Земли, да ничего не поделаешь. Взмахнул он крылами – и полетел на планету ЗЗ вино в воду превращать, как ему и было заповедано.

– Эй, прощайте, земляне! – горестно прокричал он уже из-под облака. Только кто ж его слышал? – Пьянка продолжалась.

6. Длябь

Путешественник Шшшхх вернулся в родные пределы с Планеты пузырящихся озёр. Родственники и соседи собрались послушать его рассказы.

– Как же ты общался с тамошними-то существами, – поинтересовался папа, – или что, только подсматривал за ними, оставаясь невидимым?

– Да по-разному было... А язык у них несложный. Главное, всё время поминать названия детородных органов и всех посылать к мужскому органу...

– Это как же? – заинтересовалась мама.

– В том-то и дело, мамочка, – ответил Шшшхх, – что и меня посылали, и я посылал... Это как бы призыв к паломничеству к святому месту. Но самое цель посылок обнаружить мне не удалось... Я представляю её в виде огромного памятника: могучий столб с двумя шарообразными основаниями...

А помимо этого необходимо всё время поминать некую женщину, которая доставляет удовольствие всем мужчинам без исключения. Если я правильно запомнил, её имя Длябь. Но при этом Длябь поголовно все ненавидели.

– Как же так, – не поняла дочка, – если Длябь доставляет удовольствие, почему же её ненавидят? Разве так бывает?

– На Планете пузырящихся озёр ещё *как* бывает, дочка.

Там ненависть вообще главное чувство, которые испытывают живые существа.

– Себя-то как они называют? – перебил сосед.

– Существами разумными. Но, по-моему, они сильно заблуждаются на свой счёт.

– Если ненавидят, то точно заблуждаются, – согласилась соседка.

– Что ж они ненавидят больше всего? – поинтересовался брат.

– Не поверите: то ли свою планету, то ли самую жизнь.

– Может, у них эпидемия, поразившая сознание?

– Я ж не врач, папа, ты знаешь, – ответил Шшшхх. – Но, как мне показалось, обитатели планеты имеют неудовлетворённые желания.

– Чего ж хотят-то, – спросила мама.

– Главное, как мне показалось – материального богатства и удовольствий.

– А что, разве о Вышнем они не помышляют? – удивилась сестра.

– Помышляют, но так, как нужно властям для их, властей, собственного безудержного стяжания материальных богатств.

– Какое ж тогда у них Вышнее? – пришёл в недоумение папа.

– Это ты у них и спроси, – ответил Шшшхх. – А получается, как я понял, так: ненависть рождает неудовлетво-

рённые желания; желания у всех удовлетворить невозможно; от желаний отказаться не могут: этому мешают страсти, а страсти обществом возвращаются; а возвращаются из-за либо не духовности, либо ложно понятой духовности. Ненависть обращается или на общество, которое не может удовлетворить желания, или на планету, на которой приходится жить с неудовлетворёнными желаниями, и на самоё жизнь, которая произвела существа, желания которых удовлетворить невозможно. Поэтому разумные существа изо всех сил стараются эту жизнь как можно быстрее привести к окончанию. А сделать такое проще всего, разрушив планету. Вот они её дружно, с полной отдачей сил и уничтожают.

– А отказаться от желаний никому не приходило в голову? – засомневался папа.

– Наоборот, разумные возвращают в себе всё новые и новые желания. Они считают, что без этого они не смогут развиваться дальше и все погибнут. —

Все дружно засмеялись. —

– Разумные для развития их хозяйства всё время покупают ненужные вещи.

– Наверное, их жилища захламлены, – предположила сестра.

– Ты права. Но временами разумные выбрасывают эти ненужные вещи. На свалке их находят бедные и используют, либо продают другим бедным.

– Очень благородно, неплохо бы такой опыт перенять, –

заметила мама.

– А к великому Непостижимому никто не обращается с любовью и благоговением? – удивилась сестра.

– Я таких не встречал...

Тут все замолкли, поохали, покряхтели, посочувствовали обитателям Планеты пузырящихся озёр, да и стали расходиться по своим делам.

А брат отвёл Шшшхха в сторону и шёпотом попросил рассказать, какова же из себя Дябрь... Шшшхх замялся, потому как увидеть Дябрь, как он ни пытался, ему не удалось. Но, чтобы не огорчать брата, решил благородно соврать.

– Дябрь, – начал он, – самое прекрасное женское существо Планеты пузырящихся озёр. Красоту её описать невозможно. Эта красота поражает, как молния, всех, кто Дябрь увидел. Поэтому от разумных она скрывается.

– Но почему же тогда её ненавидят?

– Одно только представление Дяби в сознании мужчин вызывает желание, которое невозможно удовлетворить. Нельзя же Дяби вступить в интимную связь со всеми и сразу. Вот и ненависть.

– Ну, а женщины?

– Ну это ж ясно, брат: никто из мужчин не хочет никакую женщину так сильно, как Дябь. Вот и зависть у женщин. А из неё и ненависть рождается...

Выслушав этот странный рассказ, брат пошёл прочь. И восхотелось было ему тоже Дяби. Да вспомнил, как страсть рождает желание, а неудовлетворённое желание ненависть... Вспомнил – и ужаснулся. «Великое Непостижимое, – взмолился он в самом себе, – упаси от страстей и желаний!»

Предвечное не ответило явно, а только обволокнуло брата Своей божественной любовью.

7. Тетеруй

Я не мог даже предположить того, что мудрость связана с возрастом тела, пока не попал на планету ББ. *Бабытцы* превосходят землян лукавством. Поэтому способы предотвращения старения и омоложения там уже внедрены в бытие. Однако, можете ли только представить, что некоторые отказываются от омоложения!.. И вот почему.

Мудрец и поэт семидесяти лет Тетеруй с радостью ухватился за возможность омоложения... Напоминаю, речь идёт не о Земле. Поэтому Тетеруя не интересовало ни участие в оргиях, ни романтические отношения с юной *бабыткой*, и так далее. Нет, он считал свои духовные достижения чрезвычайно ценными для *бебечества* (так называлась совокупность обитателей планеты ББ). Поэтому полагал целесообразным как можно дольше оставаться ясно мыслящим мудрецом, соединяя духовный опыт и силу молодости. И вот, он пошёл к лукавым учёным, заплатил деньги за лечение – и стал молодеть... Да, именно за лечение, потому что учёные определили старение как болезнь... Лечение шло успешно. Но...

Тетеруй незаметно для себя стал терять мудрость. Самое главное – как бы рассасывался стержень личности, который был, казалось бы, несокрушимым. В размышления о судьбах *бебечества* всё чаще вторгались мысли о мелочах, о которых

он как будто давно уже забыл и даже осмелел в душе своей.

Одно за другим начали появляться, казалось бы, начисто исчезнувшие желания. Он пытался им сопротивляться, потому что ещё понимал пагубность желаний, а в особенности – для мудреца. Но, тем не менее, Тетерую становилось всё более небезразлично то, что он ел и пил. Всё более назойливым становилась потребность полового общения... Нет, свою престарелую жену он не бросил. Но молодеющая плоть властно требовала соитий, а бабушка мудреца заниматься ими уже не могла. И Тетеруй завёл любовницу, потом другую. Ему казалось, что изменчивая половая жизнь вдыхает в него новые жизненные силы, необходимые для плодотворного творчества.

Тетерую стало легко двигаться. Он с радостью упражнял тело. Захотелось перемещаться – и Тетеруй отправился в кругосветное путешествие. Во всех городах и странах всеми способами ублажал плоть, которая всё более того требовала. И оправдывал свою страсть к перемещению мнением древнего мудреца Дудуббы о том, что путешествия мудрецу полезны...

Мысли Тетеруя становились всё более мелкими и суетными, сознание – всё более омрачённым. Бабетцам вначале это нравилось, потому что Тетеруй начинал говорить в своих произведениях уже не о великом Непостижимом, а о том, что считали насущным, понятным и якобы полезным для бебечества. Творчество Тетеруя стал доступным широкому

кругу бабетцев. Его стихи всюду покупали, он разбогател, поместил свою бабушку в дорогой дом престарелых, чтобы жить не мешала...

Но время шло – и произведения Тетеруя становились всё более похожими на то, что создавали и другие поэты, всё более блёклыми, а их темы – мелкими. Мудрецом он как-то незаметно быть перестал и мог писать только о суете. Когда он открывал свои работы, созданные до омоложения, он вообще не мог понять ничего. Поражался своей непроходимой глупости в старости. И был бесконечно благодарен лукавым учёным, освободившим его от так называемой мудрости.

В конце концов Тетеруй бросил поэзию, которая стала настолько примитивной, что перестала приносить доход так же, как и стихи, написанные в мудрой старости.

Тогда Тетеруй занялся перепродажей сделанного другими. Вволю ел и пил, жил с несколькими женщинами сразу, то перемежая их, а то и единовременно. Его природная бабушка, видя преобразование мужа, лечиться от старости отказалась и с молитвой умерла. А сам Тетеруй, когда его спрашивали, не он ли тот самый знаменитый мудрец, с крайним удивлением отвечал, что нет, это досадное совпадение – и хохотал.

Тетеруй был необыкновенно счастлив стать обычным бабетцем. Жить, как все, доставляло ему всё большее удовольствие, даже счастье. В омоложении он остановился на двадцати годах. Лечение прекратил и решил постепенно стареть. Женился на продавщице. Помогая ей, укрепился в деньгоделании. Дети тоже сызмальства занимались главным – деньги пилили. У них был большой дом в хорошем месте, у каждого – своё средство передвижения, прислуга. Отдыхать летали на другие планеты... Одним словом, было всё, как у самых уважаемых бабетцев...

Когда Тетерую вновь стукнуло пятьдесят, он решил, что пора снова омолаживаться. То, что когда-то в глупой старости он был замечательным мудрецом и духовным поэтом, он не помнил... А на что оно такое помнить, скажите пожалуйста? Польза-то какая?.. Где? В чём? – Смех один, вот что.

8. ...И восторжествовал разум

У некоего божества долго копилось неудовлетворённость одним из его творений – разумными существами с планеты Рарет – *раретцами*.

И оно решило подправить раретцев, направить их по удобному Ему пути, от которого раретцы отклонились. И тогда раретцы по внушению свыше всё более и более стали чувствовать необходимость избавляться от лица и сердца... «И в самом деле, зачем нам лицо и сердце?» – подсознательно ощущали раретцы. Под красивым стало пониматься одинаковое, желанным ощущалось единообразие и забывалось сердечное чувство...

Чем была вызвана неудовлетворённость божества?... Обыватели полагали, что Высшее непременно должно творить нечто приятное им. Однако это едва ли могло соответствовать действительности. Потому что раречество обязательно должно было погибнуть, ведь оно рождено... А как же иначе?... Поэтому-то в раретцах и должны были усиливаться качества, ведущие к вырождению, к гибели...

Раретцы пока ещё продолжали различаться лицами... На планете Рарет бытийствовало много народов с разными обычаями. Впрочем, сглаживались и эти отличия, потому что раретцы перемешивались всё более и всё глубже забывали об обычаях предков, теряли особенности присущие имен-

но их народу. «На что они нужны, эти обычаи? – рассуждали они. – Какими глупыми и суеверными были предки!»...

Но более явно раретцы теряли лица духовные. Презрев, насмеявшись над наследием длинной череды предков и отказавшись от него, раретцы внутренне становились всё более одинаковыми, как будто души их изготавливали на заводе. Телесное лицо оказывалось только маской, под которой было нечто белое, матовое, пустое. Это никого не смущало, потому что нравились только и именно маски. Когда оценивали раретца, речь шла преимущественно о них. Поэтому работе над масками раретцы придавали большое значение: маски подкрашивали, смазывали различными снадобьями, их упражняли, подтягивали и даже подрезали. Самым успешным в работе над масками, завидовали, и те снисходительно делились опытом.

Одно время божеству казалось, что раретцам вообще не нужны головы. Но потом оно отказалось от образа безголового раретца в своём сознании. «Голова нужна безусловно, – поняло божество. – Головастые разумные существа погибнут быстрее, – если начнут думать исключительно головой», – решило оно и внушило раретцам мысль поступать именно таким образом...

И восторжествовал разум. Полностью потерявших способность думать сердцем считали умными. Таковых перевозносили и поручали им самые важные должности.

...Божество рассматривало нового раретца. На всей планете он стал духовно, прошу прощения – *не* духовно одинаковым. И увидело божество, что это хорошо. «Маски тоже скоро станут единообразными, это вопрос времени, – поду-

мало оно. – Тогда раретцы поймут, что на масках благо только ставить номера, чтобы различать друг друга»... Да нет, это не плохо, а как иначе-то?

Раретцы стали пронзительно умными, потому что утратили способность думать сердцем. «И это тоже хорошо! – одобрило свою работу божество. – Они на верной дороге... Стяжание, воровство, разврат, убийственные ссоры без причин... Да-да, всё получилось, как нельзя лучше. Теперь о раречестве можно забыть. Они уничтожат себя самостоятельно без моего дальнейшего участия», – «поняло» божество и «занялось» другими столь же неотложными делами. Что-то прекрасное нужно было создать, что-то отжившее направить на путь уничтожения... И божество сосредоточилось на судьбе планеты Земля и человечества...

9. Известие от Хаилама

В одной галактике неприкаянно летал дух... Не самый великий, но и не из последних.

Раньше он бытийствовал в другой галактике. Там жили двухголовые существа, которых он избрал для любви. В любви же дух был... если так уместно выразиться – не духовным, то есть: ревнивым, требовательным и пытался серьёзно ограничивать свободу двухголовых. Такая любовь не соответствовала плану Творца сущего о двухголовом народе, и любовный союз ревнивого духа с двухголовыми распался. Духу в его духовную голову не приходило то, что он сам виноват. Поэтому он обиделся и полетел подальше от обидчиков, аж в другую галактику, искать живых существ, которые больше бы соответствовали его представлениям о любовных отношениях.

А те-то, двухголовые обидчики, живут себе – и ничего понять не могут. То дух говорил с ними, умолял любить его, заповеди его соблюдать, а тут перестал! И теперь этому духу стало как бы на всё наплевать... Что такое? В чём дело? Где он? Куда делся?..

Некоторые из двухголовых почувствовали себя виноватыми в случившемся. Они стали слёзы лить, умолять духа обратить на них внимание. – Им и невдомёк, что дух-то улетел...

Эх вы-и... Надо было пытаться выстраивать отношения раньше – когда вас любили, а не тогда, когда у влюблённого в вас терпение лопнуло... Влюблённого?! – Ну да, очень своеобразно, но ведь влюблённого-таки?.. А когда обиделись на вас, плюнули в сердцах, да и дверью хлопнули?.. Какая уж тогда любовь... Как говорится, из треснутой миски щей не похлебаешь...

Улетевший же дух как-то оборотился назад, пронзил взором своим вещим космическую бесконечность, и видит: да, кое-кто на прежней планете покаялся в том, что не оказывал ему желаемого уважения и был бы не прочь возобновить нескладную любовную тягомотину. А большинству было... Ну, как бы это культурно сказать? – Одним словом, достаточно безразлично.

Да... Закончилась любовь... Стоит ли переживать

об окончании страстных

отношений? Красота ведь: никто в душу не лезет, мозги не компостирует...

Большинству страстная любовь надоедает основательно... Правильно, а как иначе-то?.. Иначе не бывает. Иначе – высокая небесная любовь должна быть только. Но – ни двухголовые, ни их незадачливый дух о ней не ведали по попущению Творца сущего...

«Ну как хотите, ваше дело», – сказал дух сам в себе и продолжил свой полёт в поисках забвения, утешения своих неразделённых чувств в новой страстной любви. – Однолюбом он не был.

Долго ли коротко летел, а попалась ему планета с приятными условиями жизни. Осторожно вошёл в её газовую оболочку, чтобы не обжечься. Пригляделся: да, есть двуногие, правда, одноголовые существа, как будто разумные. «Подходяще, – подумал дух, – коли одноголовые – поверят»... Он полагал, двухголовые не разделили его любовь именно из-за их двухголовости.

И вошёл дух в нутро самой большой горы, побыл там какое-то время, силой её исполнил, проделал отверстие в вершине и стал пускать дым.

Встревожились одноголовые: что такое, никак знамение свыше. А дух тогда начал камни раскалённые бросать через отверстие в вершине. Ну, тут уж одноголовые окружили свою самую большую гору и стали славить Творца сущего. И тут из недр планеты раздался глас, подобный звуку вселенской трубы:

– Здравствуйте. Я великий дух, сотворивший всё, что вы видите, да и вас самих... —

И тут духу пришла в «голову» интересная мысль – принять какое-то из имён одноголовых. «Так им легче будет полюбить меня», – предположил он и продолжил свою соблазняющую речь так:

– Меня зовут Явоёг. Я могуч, свиреп и мстителен. Вы должны меня любить и исполнять всё, что я буду говорить. А я вам за это... – и дух перечислил обильное вознаграждение за любовь.

Протрубил дух примерно так, дыму выпустил, сколько мо-

чи было, камни огромные раскалённые швырнул в поднебесье, а после и немного огненной лавы выплеснул для совершенной остротки:

– Вот что будет иначе, только пуще многожды этого!

Ну конечно, навёл он тень на плетень в своей речи. Только чего не скажешь, не сделаешь, чтобы склонить к любовным отношениям избранных своих?..

Да, оно нечестно. Но самонаречённому Явоёгу просто позарез нужна была любовь какого-нибудь народа... Ну вот такой у него был характер – и всё! Что теперь делать?.. С духом, как и с человеком, благо считаться... Я бы простил Явоёга и отнёсся с состраданием к его тяге к страстной любви с каким-нибудь народом...

Знаете, раньше, когда я видел какого-то выпадающего из ряда вон человека, то думал: «Ну неужели ты, глупец, не понимаешь, что так себя вести нельзя? Ты же пары не найдёшь!»... А потом – жизнь шла, и наблюдал я, что самые, казалось бы, «неправильные» люди находили себе пару под стать... Так уж любвеобильное Предвечное устроило жизнь. Главное – не отчаиваться и продолжать искать.

Люди, всем вам пара – есть... Что? Где-то женщин больше, чем мужчин? – Ну так есть места, где напротив мужчин больше. Туда ходите. Кроме того, посмотрите сколько разводов-то?.. А интернет на что?.. Ну, вы меня поняли.

А моя мама обладала даром пророчества. Когда мне было шесть лет, она сказала, я на всю жизнь запомнил:

– Вот живёшь ты себе – и не знаешь о том, что где-то на другом краю Земли ходит девочка, с которой ты поженешься.

Тогда оно меня сильно озадачило. Стоял я, ел эскимо и не мог понять, что же оно такое мамины слова значили. Но – прошло много-много лет пророчество-таки сбылось: у меня счастливая семья в другом полушарии...

Что же до нашего духа Явоёга, то, запугав одноголовых, он начал выстраивать с ними отношения точно так, как и с двухговыми: духовное насилие взамен на обещания невозможных благ... Печального опыта любви к двухговым дух не учёл, отношения снова не получились, он опять смертельно обиделся и улетел в какую-то третью галактику...

Я почему-то верю, что Явоёг найдёт-таки себе подходящий народ. У меня вот только третий брак оказался удачным.

Однако среди одноголовых нашёлся человек, который возжелал умастить рану народной души от несложившейся любви с духом. Тем более, что Явоёг всех смертельно запугал: он-де могучий, свирепый, мстительный... Существо то звали Тарезансисом.

Ну конечно, Тарезансис не сам захотел быть целителем, а это было внушено ему Творцом сущего. Жил он себе и жил, как все, лепил и обжигал прекрасные горшки. Однако в один прекрасный день в сознании Тарезансиса вспыхнула странная мысль о своём особом предназначении. Мысль подкре-

пилась взявшимися будто ниоткуда чудесными способностями творить необычное и предвидеть будущее... Ну, такое преобразование любому разумному существу перенести сложно. Не удержался и Тарезансис, заявил народу, что он-де сын Явоёга... Так уж одноголовые были устроены: чуть что необычное – так сразу сын Неба и чуть ли не сам Творец существа...

Народ, понятно, перепугался, смутился. А Тарезансис стал ходить по планете, больных исцелять и даже смерть от умирающих отводить... Некоторые из таковых обижались на него за это, потому что жить уже устали, а он помереть спокойно не давал. Но Тарезансис не обращал на них никакого внимания. Страсти одолели, вели его, и он безудержно чудотворил...

Да, как и Явоёг, Тарезансис тоже угрожал народу. Однако любовь его к одноголовым была более сильной и бескорыстной, а поэтому затмевала угрозы. И народ принял Тарезансиса и даже возжелал видеть его вождём.

У одноголовых, понятно, уж был один вождь. Тому это не понравилось, и решил он погубить Тарезансиса...

Сами подумайте, а могло ли быть иначе?.. Ну вот я, к примеру, начну помещать в интернете сообщения о том, что я – духовный глава, и при этом стану чудеса творить... Мусор, скажем, уберу из океана таинственным образом или всеобщее потепление превращу во всеобщее похолодание...

А одноголовые на явления, которые не могли объяснить,

были падкими, и весьма. Чуть что необычное кто делает – ясно, божество, к нему очередь километровая на приём, чтоб избавил от последствий собственных безобразий – и всё, никакой ответственности, никакого искупления... То есть, одноголовые хотели преодоления Закона Воздаяния, выхода из-под него. Непостижимое Небо, нашло, что это уже через чур. И поэтому-то и внушило вождю одноголовых желание погубить Тарезансиса.

Вождь подловил Тарезансиса на слове, что он-де творец галактики. Тарезансиса за это осудили и убили... Такие уж были обычаи у одноголовых... В нашем с вами обществе, конечно, было бы иначе. Ну, посадили бы Тарезансиса в психушку, коли бы сильно досаждал. А то и просто-напросто хорошенько отделали бы в полицейском участке, да и отпустили домой с миром, горшки делать. Уж больно много нынче всяких духовещателей развелось... У одноголовых же их было на порядок меньше. Поэтому Тарезансиса пришлось казнить.

А тот и по смерти умудрился своего добиться – любовь народную возжечь к Явоёгу улетевшему. Тарезансис предвозвестил, что тело мёртвое его исчезнет, а душа объединится с душою отцовской, с явоёговой, то есть...

Ну, со вторым обстоятельством всё было ясно. Все мы по смерти воссоединимся с предвечным Духом, правда, не с тем, которого имел в виду Тарезансис. Но это мелочи. Загвоздка была с телом. Оно и в самом деле куда-то и как-

то исчезло. Его не нашли. Поэтому народ Тарезансиса прославил, а вместе и с ним – и отца его наречённого Явоёга за компанию.

...А между тем, на другой планете этой галактики в это же самое время неизвестно откуда взялся человек по имени Сисназатёр. Человек вёл себя очень скромно, горшки делал хорошо, женился на молитвенной девушке, детей с ней нарожал неболюбивых... Поэтому к нему никто не придирался. Ему выдали паспорт без сведений о месте и времени рождения и о родителях. И в своё время Сисназатер тихо и спокойно, в своей постели, в окружении любящей и многочисленной родни отдал душу великому Непостижимому.

Душа Сисназатера попала в рай. Долго ли коротко летал он там со духи благодати меж чудесных деревьев, ел плоды духовные невиданные, играл духовными пальцами своими на невидимой арфе десятиструнной, сопровождая сладкогласные хваления обитателейрая... А только призвало Всевышнее душу Сисназатера и повелело ей продолжить духовные подвиги в иных пределах:

– Нет моей воли, – «сказало» духом Предвечное, – долго тебе нежится в раю. – Бери кого хочешь в помощь из главных духов благодати, да отправляйся в иные пределы, посмущай разумные существа речами да чудесами. Убийства своего, гляди, не добивайся так настойчиво, как на планете одноголовых. А так только встряхни обывателей духовно, чтоб не наживой одною да развратом существовали. Может,

кто и поверит тебе. А найдёшь учеников – так благослови их на проповедь, а сам сразу возносишься, не задерживайся – и назад в рай, понял? Ученики и без тебя управятся. Передохнёшь – и коли захочешь, я тебя на другую какую планету направлю. А нет – так отдыхай при мне во веки веков, да будет так.

– Слушаю, Великое, – бессловно ответила душа Сисназатера.

В спутники он выбрал духа Хаилама. Собрались они наскоро, да и в путь-дорожку наладились, полетели, значит.

...Летят, летят, а планеты всё попадаются либо мёртвые, либо глистами да тараканами заселённые. Устал Хаилам и говорит так-то Сисназатеру:

– Чудотворитель, сил нет лететь далее – крылья понатёр. Давай остановимся у тараканов. Не всё ли равно тебе, кому проповедовать?

– Нет, – отвечает Сисназатер, – не лепо мне тараканье обличие принимать... – А для проповеди обязательно нужно было быть в теле насельников планеты... – Хочу найти существа с головами, руками да ногами: мне так привычнее.

– Пустое это, Чудотворитель, – не унимался Хаилам. – Тараканы ничем не хуже людей, а может быть, в чём-то и лучше. А головоруконогие, глядишь, снова тебя убьют... Знаешь, чую я: тараканы-то куда добрее, а?

Сисназатер, однако, упёрся. И мучил Хаилама полётом до той поры, покуда планету с головоруконогими не обнару-

жил. Она так и называлась – Головоруконогия.

Сели они в пустынном месте: горы, песок, колючки, дерева засохшие... Сисназатер плюнул, брение сделал и бросил комочек сей на землю. Оттуда тотчас родник забил.

– Слава тебе, Чудотворитель, – воскликнул Хаилам и сотворил земной поклон.

– Ладно уж, – ответил Сисназатер и ладошкой махнул. – Оно мне ничего не стоит. А вот головоруконогим-то про это расскажи. Они на чудеса падки, сразу решат, что я творец сущего и поэтому *слушать* меня станут... А ты тогда станешь моим предтечей...

– Спасибо, Чудотворитель! – воскликнул Хаилам.

Сисназатер утешал его кровоточащие раны в основании крыльев и сказал:

– Отдыхай пока.

Хаиламу только того было и надобно. Свернулся он в калачик на песке и тотчас захрапел по-богатырски. Сисназатер присоединился к нему.

...Головоруконогие были устроены так: голова у них была одна, ног – две, рук – три, а половых органов – четыре. И вот почему. Блуждать разумом им заповедано не было, поэтому голова одна, и та маленькая, как у змеи. Ног две – потому что особо быстро перемещаться суетно. Стяжать телесные блага головоруконогим уж очень хотелось, поэтому рук дано им было по три. Но вот высшим удовольствием и наслаждением головоруконогие понимали половые утехы, поэто-

му и соответствующих частей тела у каждого из них было по четыре: два женских и два мужских. Эти части располагались где ни попадя, один на голове даже был. Так что родителей в семьях было не два, а пять. Матерью для определённого ребёнка оказывалась та из особей, которая родила. А остальные были отцами. Но для следующего ребёнка уже всё было иначе. Поэтому у головоруконогих не было понятий «отец» и «мать». И в свидетельствах о рождении указывали: родитель 1, родитель 2, и так далее.

Сисназатер и Хаилам проспались только к утру следующего дня.

– Ну что, начнём смущать головоруконогих? – смеясь, сказал Сисназатер.

– Твоя воля, Чудотворитель, – с улыбкой ответил Хаилам.

Пришли они в близ расположенное селение, стали еду по домам просить, чтобы выдался повод явить чудо... А заборы везде высокие, поверх струны под напряжением натянуты, окна с решётками, а двери железные, с глазками. В глазках же очи недобрые зыркают... Из-за одной двери через домозвук выругали просителей словами нехорошими, а из-за другого забора и вовсе булыжники швырнули.

Обрадовался Сисназатер, взял те булыжники в руки, возвёл очи горé и молвил:

– О непостижимое Небо, по Твоей неисследимой воле прибыли мы с Хаиламом на планету сию нечестивую, дабы посмущать ожиревших телами и сердцами обывателей да

встряхнуть их духовно. Порази ж их воображение чудом, иначе взболтать души их, отвлечь хоть на мгновение от соития да стяжания не удастся.

Предвечное нашло просьбу Сисназатера естественной. И булыжники в его руках тотчас обратились в свежезажаренную крупную рыбу.

Ошалели обыватели, гляючи на такое в глазки да окна зарешёченные. Кинулись было к нищим. Да только пока замки свои хитроумные отпирали, от тех и след простыл.

Сидят себе Сисназатер с Хаиламом, рыбыны уплетают за обе щёки да посмеиваются: теперь, мол, всё – головуруконогие в наших руках.

Так и произошло. Много и других чудес сотворил Сисназатер. А Хаилам оставлял о некоторых из них письменные свидетельства. Только о некоторых – потому что для того, чтобы рассказать обо всех них не хватило бы и всех книг, которые могла бы вместить планета головуруконогих.

Конечно, пленились обыватели чудесами. На планете это вызвало большие нестроения, казни, войны даже. А потому Сисназатер с Хаиламом, оставив расхлёбывать заваренную ими кашу учеников, вернулись в рай к великому Непостижимому.

Вернулись живыми и невредимыми, так, как им и было то заповедано. Об их чудесном исчезновении головуруконогие сложили замечательные легенды и передавали их из рода в род. Сомневающихся или понимавших эти легенды не так,

как то было угодно начальству, пытали, убивали и даже заживо сжигали. Но стяжать-таки стали менее рьяно – и у обывателей отвалились третьи руки. Совокупляться стали упорядоченно – и перестали вырастать «лишние» половые части тела. В конце концов у каждой особи осталось только по одной: по мужской или женской.

«Смотрело» на это Предвечное и «думало»: «Ну что ж, Сисназатер с Хаиламом потрудились на славу, волю мою о головуруконогих исполнили, после трудов праведных в раю отдохнули... Пора дать им следующее задание. Очень уж сердце болит об одной сомнительной планете...

– Как поётся со духи благодати да на арфе играетя? – «спросило» Присносущее явившегося на зов Сисназатера.

– Душеспасительно, – смиренно ответил Сисназатер.

– На время отвлеку тебя от бытия благодатного сего. Получи-ка новое задание. —

Сисназатер, исполненный любовной молитвы, молчал, склонив голову и колена преклонив. —

Благословляю лететь тебе на планету Земля. Лукавые обыватели привели её на грань уничтожения. Особой надежды на то нет, но всё же попытайся спасти.

– Что спасать? – смиренно поднял очи Сисназатер. —

Предвечное «задумалось», «помолчало»...

– Планету спасай. Припарок землянам не ставь, оно уже без смысла.

– Сделаю, что могу, – ответил духом Сисназатер. – Кого

взять в предтечи?

– Какие предтечи? – Некогда уже, – «воскликнуло» великое Непостижимое и «отошло» от Сисназатера. – Креста, креста остерегайся, – бросило Оно напоследок, – да говори поменьше: время увещеваний да угроз прошло.

...Вы можете спросить о том, как же сложилась дальнейшая судьба Явоёга... А знаете, на время написания сего Известия Хаиламом – благополучно. С третьего захода Явоёгу удалось-таки отыскать народ, полюбивший его всем сердцем. Этот народ безжалостно перебил представителей всех других народов на планете и даже стёр с лица её самое память о них и об их богах. Перебил их этот народ, уничтожил – и с любовью и благоговением принялся исполнять данный Явоёгом закон до мелочей...

Любовь Явоёга с народом на этот раз оказалась взаимной, совершенной. Но вот *как* распорядится великий Закон Воздаяния на том свете с людьми, исполнившими его кровавые установления, и какое наказание понёс в тонком мире сам подстрекатель Явоёг – об этом, прошу прощения, мне неизвестно... Но, думаю, найдётся достаточно духомыслов, которые это додумают, понесут вновь испечённые легенды в народ, а начальство заставит учителей в школах преподавать легенды сии с первого класса... Вы знаете, как это бывает.

Всё-таки, я полагаю, *думать* надо, прежде чем кидаться сомнительный закон исполнять. И думать не головой, а духовным сердцем – сердцем, исполненным любви к великому

Непостижимому и трепетным благоговением перед Ним... Мало этого – думать с глубокой любовью ко всему живому и неживому, с любовью, уважением и состраданием, с неодолимым желанием обожествить это живое и неживое, одухотворить его... Вот что, как я думаю, направит на путь истинный и даст благодать отличить закон от беззакония, даже если беззаконие под видом закона и исходит из недостижимого высока.

Ну, а уж если от беззакония уйти невозможно, ради чистой совести благо смиренно отстраниться. А коли не выходит, то имеет смысл и самоё смерть принять. А то как с грязной-то совестью жить, не сладко оно вроде, или как?..

Во время Второй мировой войны на Западной Украине погибло много братьев-баптистов. Вера запрещала им брать в руки оружие. И ведь, я думаю, *в этом смысле*, вера их хорошая, правильная, всем бы так поступать...

Пришли красные народ в армию вовлекать, а мужики им: «Воевать не пойдём, вера не велит». Красные ушли ни с чем. Мужики живут дальше. Пришли немцы: «Воевать не пойдём...». Немцы ушли тоже ни с чем. Пришли, наконец, бандеровцы. Мужики им ту же песню: «Воевать не пойдём, вера не велит». Вот тут с молитвой и полегли братья, потому как никакая вера в сравнение с любовью к самостийной Украине идти не может. Вечная им память. Любовь к Родине для истинных сынов её выше божественности оказывается. А для русских с немцами Украина родина, что ли? – Вот и главное.

У любителей же чужой крови низжайше прошу прощения. Лейте её на здоровье – за Родину! С вами *ваш* бог. Ура! Только помните, что *и* на нашего, *и* на вашего, *и* на ихнего, *и* на всех прочих боженек укорот есть. Придёт время – и отлетаются... А оно-таки придёт.

Небожественное

10. Не то спас?

Планеты, звёзды, их скопления, вселенная и, по всей вероятности, множество вселенных – всё это, как мне представляется, живые существа. Сколь разумные – не знаю. Но, судя по тому, как я ощущаю страдания Земли, чувствуют они достаточно много.

Вам, конечно, это покажется нескромным, но я терзаюсь о страданиях Земли, может быть, не меньше, чем Иисус-из-Назарета о древних евреях. Как жаль, что я не планета или хоть спутник какой, не луна, что ли! Тогда бы у меня была бы хоть малая возможность спасти, если не все планеты, то хотя бы Землю.

Если мои предположения относительно того, что планеты, звёзды и так далее это живые существа, а возможно, и клеточки некой огромной сущности, которую и представить невозможно, то тогда наверняка у планет есть и своё исповедание. Потому что жизнь без веры – прямой и скорый путь к вырождению и гибели... Вы скажете, что исповедание и вера суть не одно и то же? – Правильно! Но не ловите меня на слове, главное, суть улавливайте...

Вот, бытийствуют себе множество исконно верующих

звёзд. Ну так у них же обязательно есть нечто вроде Священного звёздного Писания. И в нём – в Законе и пророках, возможно, указан путь ко спасению в виде явления спасителя. Как хотелось бы мне и явиться таким спасителем в виде планеты! Напружил бы я тогда духовное нутро своё и возгласил бы что есть мочи...

Вы полагаете, что у звёзд нет понятного для всех небесных тел языка? – Ха-ха-ха! Не смешите меня. Если земляне не способны уловить общение планет и звёзд, это ещё не значит, что те не общаются.

Ну так вот, и возгласил бы я тогда во всю ширь:

– Слушайте меня, сонмы галактик! Я, планета такая-то, суть не просто небесное тело имярек, а воплощённый бог ваш, сын... ну и назвал бы им имя вселенского бога-отца, как то о нём написано в Священном звёздном Писании. И пришёл я спасти вас от гибели неминучей. Потому как обречены вы все до единой звезды погаснуть и превратиться в пыль. А души ваши вы сами знаете, куда должны попасть.

Ну планеты, конечно, пришли бы в негодование от того, что я так много беру на себя. А как мне не взять, коли душа разрывается, глядя на страдания моей Земли?!.. Да, вы правы: Земля моя избранная планета, и спасти её мне хочется прежде всего. Ради этого я пошёл бы на любые муки...

Вы не верите... Да, ещё бы, потому что я хотел бы спасти Землю как раз от вас. И если для этого потребовалось бы быть распятым на Кресте, хоть Южном, хоть Северном, я бы

не сомневался...

Среди звёзд обязательно есть звёзды-священнослужители. Я бы довёл их до белого каления и вынудил бы уничтожить себя метеоритом каким...

Да, вы опять правы, для этого необходим пророческий дар, хоть какой, или ясновидение, хотя бы на небольшом пространстве и времени...

Я не бог на самом деле? – Нет, не бог, не отрицаю. Но боги горшки и не обжигают. Думаете, библейский бог видел, что где-то там есть Америка, Австралия или Антарктида? – Да не видел он, и понятия не имел. А говорил, мол, Землю создал... Сейчас!.. А Иисус-из-Назарета что, предвидел костры инквизиции, крестовые походы или существование множества церквей и церквушек якобы его самого и последователей его прославляющих и в том насмерть враждующих между собою? – Не предвидел, ясно. Иначе он едва ли начинал своё общественное служение и тем более, не вынуждал бы первосвященников распять его... Землю уберечь – это вам не осла узреть для въезда в Иерусалиме или рыбу нагнать под сети...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.